

ЯАККО РУГОЕВ

ОТ ОНЕГО ДО ПОЛЯРНОГО КРУГА

С ФИНСКОГО.

Перевод

РАМИЛЯ ХАКИМОВА

Рисунки Л. Бирюкова

Я смотрю на карту родной стороны, и мне вспоминается далекое детство. Наша деревушка спряталась в гуще бескрайних лесов Северной Карелии, на теннисном берегу небольшого озера, недалеко от границы Финляндии. Мальчишкой я думал, что Карелия — это огромная страна. Ведь даже поездка в районный центр Ухту (так тогда назывался нынешний район Калевалы) занимала несколько дней. А чтобы добраться с обозом до города Кемпи — он на берегу Белого моря — и вернуться обратно, возчикам приходилось запасаться продуктами и фуражом по крайней мере на три недели. А там, за Кемью, Карелия по существу только и начиналась.

А где-то еще дальше была Россия.

Я знал, что мы живем на окраине этого великого государства.

Соседняя Финляндия тоже представлялась мне очень большой страной.

Время и расстояние — понятия относительные. Подростку кажется бесконечным десятикилометровый путь через лес на покос, когда тяжелый кошель с провизией давит на плечи. Бесконечной кажется и гладь озера, когда гребешь против ветра, а лодка нагружена сеном...

Но пройдут годы, и та же самая местность промелькнет перед тобой (или под тобой, если ты в самолете) за какие-то минуты.

Голубой цвет щедро залил карту, и все же на ней отмечены лишь некоторые из тысяч озер Карелии. Ладога, которую наши предки называли Карельским морем, одно из крупнейших озер мира. Отсюда начинается свой путь Нева.

Карта республики ничего не говорит о небольших населенных пунктах — лесных и совхозных поселках. Не найти на ней и многих шоссеиных дорог. И уж вовсе ничего не скажет она о прекрасной карельской природе — о ее безбрежных озерных просторах, порожистых реках, о синеющих среди тайги горных вершинах, о шуме зеленых лесов.

Леса, долины, воды...

Народ мой знает повадки разных времен года и выработал исходя из них правила, которые подкупают своей наблюдательностью и мудростью.

Услышишь журавлиный крик — не ходи на лед озера.

Лето еще далеко — лебеди летят высоко.

Картошку надо сажать, когда осинный лист с трехкопеечную монету.

Что лето намочит, то само же и высушит.

Знает ветер, о чем небо думает.

Южный ветер рыбу к берегу пригонит, а северный — от котла отгонит.

Когда корни ольхи трижды вымокнут, тогда и зима близка.

Осенью капля воды — ушат грязи.

Заморозки — под гусиным крылом, зима — под лебединым.

Мы благодарны нашей природе за ее вечнозеленые леса, в которых человек добывает строительный материал для своего дома, тепло для очага и вкусную дичь для стола, за то, что можем плыть по голубым водам и черпать из них серебристую рыбу, за то, что сила наших могучих водопадов может освещать и согревать наши жилища, вращать станки заводов.

Правда, с природой приходится иногда и побороться.

Некоторые удивляются, почему в старых карельских деревнях так мало деревьев. Лишь несколько берез во дворе да ельник на кладбище.

В раннем детстве мы часто играли вокруг осины, что росла на краю поля, и слушали птиц, щебечущих в ее ветвях.

Но однажды отец срубил это красивое дерево.

Я спросил, зачем он это сделал. Отец ничего не ответил, только показал рукой на край поля: это были желтеющие плеши, поросшие травой. Ни картофель, ни хлеб там не росли. Корни осины высосали из земли все соки. А ведь поле далось его корчевателю нелегко: рядом возвышалась гора камней, извлеченных из земли.

Природа почти ничего не дает даром. За каждый клочок карельского поля плачено соленым потом. Оттого и не стоит удивляться, если вблизи поля не осталось места для деревьев.

Но там, где лес не мешал нашим предкам, его не трогали, берегли.

Карельские леса! Они смягчают холодные северные ветры, уравнивают погоду, регулируют в природе круговорот воды. Лес всегда кормил, поил и обогревал карела. Карел находил в нем защиту, когда сильный иноземец нападал на его землю с огнем и мечом.

Издавна даже в самые неурожайные годы в Карелии редко кто умирал от голода.

Выручал лес, лес, богатый дичью и зверем, грибами и ягодами, озерной и речной рыбой. Отсюда и старинная карельская пословица: «Дай работу ногам — найдется работа и челюстям».

В те тяжелые годы, когда фашистские захватчики напали на нашу советскую родину, лес снова показал себя надежным другом. Тысячи партизан скрывались в дремучих чащобах родного леса и наносили оттуда сокрушающие удары по врагу. Лесорубы добывали там топливо для паровозов Кировской железной дороги, охотники и рыбаки — продовольствие для тружеников тыла и фронта. Героическим защитникам осажденного Ленинграда карелы посылали лосиное и оленье мясо. А когда вражеское кольцо было прорвано, в город-герой пришло топливо из тех же карельских лесов.

И самой Карелии трудно было бы справиться без лесов с тяжелыми последствиями войны.

И чем дальше идет жизнь, тем большее значение приобретают карельские леса.

Летом и осенью 1944 года население нашей республики стало возвращаться из эвакуации в родные места. Приезжали большими и малыми группами.

— Вашей деревни больше не существует, — оповестили одну из таких групп. — Враг сжег ее дотла.

Наступила тишина.

— А озеро? Оставили они на месте озеро? — спросил дрожащим голосом возглавлявший группу старик.

— Озеро что ж — куда оно денется!

Старик облегченно вздохнул:

— Тогда хорошо. Было бы озеро на месте, дома на берегу построим. Мы народ привычный, упорства хватит... Прежде не раз из золы поднимались. Поднимемся и теперь.

Озеро значит многое в жизни любого карела. То же можно сказать и о реках. Скольکو деревень стоит на озерах и речных берегах — таких живописных и таких удобных для жизни: здесь тебе и рыба, и водные пути, и источники электроэнергии...

Наши водоемы можно сравнить с неисчерпаемыми кладовыми природы: в трескучие январские и февральские морозы прекрасно идет в мережу налим, весной из-под льда заплывают в сети сига, а окуная можно прямо-таки черпать в местах нереста. Летом ловится всякая рыба: хариус, щука, лещ, лосось, язь, плотва... А осенью берут неводом ряпушку, наполняя ею ушаты на всю зиму.

Воды карельских озер очень чисты. Существует таблица, на которой степень химической чистоты определяется десятибалльной системой. Дистиллированная вода — 1, вода Байкала — 4, вода Онежского озера — 2!

Много пришлось потрудиться на своей земле карельскому народу, чтобы сделать ее плодородной. На Олонецкой равнине, на равнинах Ладвы, на берегах Прионежья и Приладожья осушены и засеяны травами тысячи гектаров, отвоеванных у болот.

Год от года растет в Карелии число умелых земледельцев. Во многих районах созданы сады-питомники. В них выращиваются новые фруктовые деревья, ягодные кусты, декоративные растения и вывезенные из других областей хвойные и лиственные деревья. Лесоводческие хозяйства приступили к массовому обновлению леса на бывших вырубках. Ведутся работы по распространению карельской березы.

Сотни тысяч декоративных растений украшают улицы и площади Петрозаводска и других городов.

Создаются также ихтиологические станции и рыбоводческие хозяйства. Они способствуют разведению ценных пород рыб. Поселился в наших водоемах и байкальский омуль. В Белом море разводится дальневосточная горбуша.

Рыбоводческие хозяйства Карелии не остаются в долгу: они в свою очередь отправляют рыбу и мальков в другие области.

Невозможно перечислить все то, что делает народ, чтобы не только сохранить, но и приумножить природные богатства родного края.

Тем печальнее иногда оказаться свидетелем варварского отношения к природе.

Еще совсем недавно некоторые наши хозяйственники утверждали, что запасы карельского зеленого золота неистощимы. А потому и вырубали его без оглядки, не считаясь со здравым смыслом. В первую очередь вырубался ближний лес, росший вдоль железных дорог и на берегах крупных водоемов. В результате почти полностью исчезли с лица земли богатые ранее леса Южной Карелии.

Иной ретивый хозяйственник все прикрывает требованиями плана.

Но ведь на то и план, чтобы разумно вести лесное хозяйство, вырубать лишь то, что созрело для этого, и сохранять как зеницу ока способность леса обновляться. Только такое отношение к лесу позволит сберечь его и умножить красоту земли, родного края.

Во второй руне «Калевалы» рассказывается, как Вяйнямейнен отправился корчевать поле, но при этом пощадил дерево, облюбванное певчими птицами:

Старый верный Вяйнямейнен
Осмотрелся, оглянулся.
Вот весенняя кукушка
Видит стройную березу:
«Для чего ж одна осталась
Здесь нетронутой береза?»
Молвил старый Вяйнямейнен:
«Для того одна осталась
Здесь березка, чтоб расти ей,
Чтобы ты здесь кувовала...
Пой ты утром, пой ты на ночь,
Ты кунуй в часы полудня,
Чтоб поляны украшались,
Чтоб леса здесь красовались,
Чтобы взморье богатело
И весь край был полон хлебом!»¹

Так еще в древние времена народ вложил в уста Вяйнямейнена слова, которые следовало бы помнить многим нашим хозяйственникам.

А у нас, к сожалению, есть пока люди, относящиеся к природе не как друзья, а как враги. Приведу в пример случай, имеющий, кстати, прямое отношение к «Калевале».

В свое время полуостров в устье реки Ухта украшала могучая вековая сосна, окруженная молодой порослью. Из поколения в поколение народ передает легенду о том, что под этой сосной Элиас Леннрот слушал калевальских рунопевцев и записывал их стихи.

Сосна Леннрота и сейчас бы стояла на своем месте, не слышась в Ухте люди, «лишенные предрассудков», которые без раздумий срубили сосну.

И это в поселке, который носит славное имя Калевалы.

К чести местных комсомольцев, следует сказать, что когда они обнаружили сосну срубленной, то снова подняли ее, зарыв смолистый комель в сухой гравий.

И сейчас стояла бы сосна на своем извечном месте, хоть и раненая, но стояла бы, и молодые сосны, шумя, отдавали бы ей честь.

Да, на беду, руководители Ухтинской сплавной конторы не нашли камня для своих сооружений нигде, кроме как под той самой сосной, священной реликвией народа. И они... разобрали маленький полуостров камень по камню, обнажив корни сосен.

Дерева одно за другим попадали в воду.

Чтобы спасти древнюю и дорогую всем сосну Леннрота, комсомольцы Калевалы перевезли ее во двор Дома культуры, где она стоит и поныне.

Комсомольцы Калевалы не одиноки в своем настойчивом стремлении сохранить природные и, если хотите, духовные богатства родины.

Власть над природой

Иногда я мысленно представляю себе старую Карелию, черты которой сохранились в памяти с детства.

Бескрайнее лесное море. На берегах голубых озер сутулятся невеселые села. Недалеко от унылых жилищ полоски пахотной земли, отвоеванной у леса, камней и болот.

Летом крестьянин, обутый в лапти, торопится к далеким болотистым лугам, на спине берестяной кошель, на плечах коса-горбуша — нечто среднее между косой и серпом. Всю весну он ходил за сохой и деревянной бороной. Теперь забота — достать корм скоту.

Короткое лето кончается — не успел оглянуться. Осенью, перед тем как уйти на заработки, надо запастись на зиму лесной дичью и дарами озера.

Зимой крестьянин вместе со своей лошаденкой отправляется на ближайший «завод», то есть на лесные разработки. Соорудив на краю делянки шалаш или избенку в три-четыре венца, он от темна до темна валит и возит лес.

Когда хребет зимы переломится и весна начнет угрожать распутицей, крестьянин получает скудный свой заработок и, понукая похудевшую лошаденку, отправляется вос-

¹ Перевод Л. Бельского.

восяи. На снях куль муки и маленький мешочек с баранками — гостинец детям. А в кармане тонкий бумажник, содержимое которого почти полностью уйдет на оплату старых долгов.

Круг года закончился. Начинается новый, подобный предыдущему.

Этот привычный порядок жизни нарушается только постами да религиозными праздниками, иногда плачем матери, когда сына заберут в армию или медведь в лесу изведет единственную корову. Такой была жизнь.

Нередко приходилось замешивать в хлеб истолченную древесную кору. От этих-то времен и идет известная половица «Карел кору ел». И только удивляешься, каким образом в этих условиях народ нашел в себе физические и духовные силы, чтобы выдержать и умножиться, к тому же создать свои чудные песни, сказки и руны.

Годы прошли.

Те же самые земли, те же озера, то же голубое небо. Но на берегах этих озер и рек сияют теперь яркие огни. С помощью трактора возделываются пашни, роются каналы и осушаются болота. Ныне здесь колосится пшеница. Скалы отдают свои сокровища, лес превратился в источник народного богатства.

Повсюду в Карелии поднялись новые села, города, большие заводы и электростанции. Сквозь дремучие леса пролегают шоссейные дороги, то покрытые утрамбованным желтым песком, то темным асфальтом. А блестящие на солнце стальные пути стрелой идут с юга на север, с востока на запад. На голубых водах, где прежде карел крутил сплавной ворот вручную, теперь буксиры, словно играя, тянут за собой громадные плоты.

В глазах моих земляков остался все тот же серо-голубой оттенок, что у наших отцов и праотцев, но взгляд стал иным. Земля и народ обновились.

В дни, когда была создана Карельская трудовая коммуна (прообраз нынешней республики), В. И. Ленин в беседе с будущим руководителем правительства Карелии Эдвардом Гюллингом говорил о своей большой вере в будущее трудолюбивых карелов, говорил это тогда, когда Карелия так нуждалась в моральной и экономической поддержке. Шла гражданская война. Хозяйство края было в полной разрухе. Несмотря на общее бедственное положение страны, советское правительство целыми составами посылало в Карелию хлеб. Партия взялась за индустриализацию Карелии: было решено строить в Кондопоге электростанцию и бумажную фабрику. Началась новая страница в жизни древней калевальской земли.

До революции в Карелии было всего несколько лесопилок и небольших заводов, изготовлявших оси для телег, топоры, лопаты, багры, лемеха, косы, серпы и другие подобные изделия. Ныне Карелия производит алюминий, сталь, тракторы, стандартные дома, мебель, фанеру, бумагу и картон многих сортов, целлюлозу, различные машины и приборы, древесно-волоконистые плиты, пегматит, пиломатериалы, лыжи, металлические изделия, суда, инструменты, железобетонные конструкции, стройматериалы...

Промышленные предприятия ордена Ленина Карельской АССР ныне выпускают продукции в 50 раз больше, чем до революции.

Карелия — один из пионеров гидростроения и сейчас не стоит на месте.

Закончено строительство Сунского и Выгского каскадов, одна лишь Ондская ГЭС дает в несколько раз больше энергии, чем все станции Карелии в 1913 году. За последние годы введено в действие свыше тысячи километров высоковольтных линий электропередач. Наши пороги «мелют» электричества на каждого жителя больше, чем в любой европейской стране.

Рядом с одним довоенным домом встало пять послевоенных.

На бумаге, вырабатываемой одним только Кондопожским целлюлозно-бумажным комбинатом, печатается более трехсот названий газет страны. Сегежский комбинат выпускает свыше миллиона крафтмешков в день. Эти особым способом приготовленные мешки очень надежны и употребляются для упаковки грузов на цементных, сахарных и других заводах.

Но все эти богатства пришли к народу только после Октября, благодаря партии коммунистов, партии Ленина.

Столица

Начало всех дорог Карелии — Петрозаводск, столица республики.

Нередко наш город называют побратимом Ленинграда. И вот почему. Оба города заложены в одно время одним и тем же человеком — Петром I. Имя его увековечено в названии главного карельского города. Оно как бы олицетворяет старую дружбу русско-го и карельского народов.

Но городом Петрозаводск стал значительно позже. До того это была рабочая слободка, которая уютилась в устье реки Лососинки, названной так потому, что в нее из Онежского озера приходил нереститься лосось.

Сегодняшний Петрозаводск — город заводов и строек, парков и дворцов культуры, науки и искусства. Он стоит на берегу Онежского озера, и его широкие прямые улицы начинаются от самой воды и тянутся по холмам к загородным сосновым кряжам.

Город расположен на склонах невысоких холмов, и если смотреть со стороны озера, особенно осенью, когда дома отражаются в спокойной водной глади, то кажется, что этажи его не имеют числа. Ночные огни Петрозаводска увенчаны красными звездочками радио- и телевизионных вышек.

Онежский завод — сердце города. Он же и начало города.

В давние времена завод производил пушки и ядра, которые были нужны для защиты северных земель России от шведского нашествия. За два с половиной века он претерпел многочисленные изменения. Чего только не производил завод даже в годы Советской власти: двигатели, дорожные машины, суда, различное оборудование для лесной промышленности. А ныне он стал тракторным и тысячи трелевочных машин выпускает он.

Тракторы эти выполняют самую разную работу. А передвигаться они могут и по лесу, и по болоту, тракторы-амфибии — даже по воде.

Сейчас проходит испытание машина, которая будет не только перевозить деревья, но и валить их и грузить.

Трактор Онежского завода получил высокую оценку и далеко за рубежом — во многих странах Европы, Азии, Африки, Австралии и Америки.

Сырье, добытое на Чупинских слюдяных рудниках в Северной Карелии, большей частью попадает на Петрозаводскую слюдяную фабрику.

В больших залах трудятся сотни женщин. Часть тонких, выработанных здесь прозрачных пластинок отправят во все концы страны. Другая часть попадает в следующие цехи фабрики, где автоматические прессы вырезают разной формы изоляционные пластинки для радиоламп, электронных машин, электрических приборов.

Продукция петрозаводской судовой верфи — моторные рыболовные боты. Суда эти малы по размерам, но пути у них дальние: встретишь и на озере Ссван, и в водах Объединенной Арабской Республики или Эфиопии. Как-то из Бразилии пришел заказ на пятьсот рыболовецких ботов петрозаводской верфи! Может показаться странным, деревянная обшивка этих ботов надежней металлической: она не ржавеет. Отсюда и долговечность карельских судов.

Когда сегодня говоришь о гордости карелов, вспоминается многое. Но среди этого многого главенствует роль науки.

Гордостью петрозаводчан является Государственный университет имени О. В. Куусинена.

За двадцать пять лет из его стен вышло несколько тысяч ученых, инженеров, агрономов, зоотехников, учителей. Более шести тысяч будущих специалистов учится сейчас на историко-филологическом, биологическом, физико-математическом, сельскохозяйственном, лесоинженерном и медицинском факультетах.

В распоряжении студентов великолепная библиотека, научные лаборатории, ботанический сад вблизи Соломенного, электронно-вычислительный центр, биологическая станция у Кончезера и многое другое.

Перед революцией в Карелии работало всего шестьдесят два врача. Это треть нынешнего выпуска медицинского факультета.

Редкий университет имеет ботанический сад, подобный тому, что расположен на берегу Онежского озера. Обширна его территория, велико научное значение. Он является хорошей учебно-экспериментальной базой, агробиологической лабораторией и опытным полем акклиматизации древесных и цветочных декоративных растений. Чего только здесь нет: более ста различных сортов яблонь и несколько сортов груш, десятки сортов черной смородины, крыжовника, вишни, малины, земляники, сотни сортов и видов цветочно-декоративных растений!.. Здесь получили постоянную прописку истые южане с Кавказа и Дальнего Востока, Крыма и Северной Америки...

В Петрозаводске работает Карельский филиал Академии наук СССР с отделом гидрологии и водного хозяйства и с подчиненными ему институтами леса, геологии, биологии, институтом языка, литературы и истории; сотрудник последнего из названных институтов доктор исторических наук Яков Алексеевич Балагуров написал несколько книг по истории бывшей Олонецкой губернии и Беломорья. Доктор филологических наук Виктор Яковлевич Евсеев ведет интересные исследования в области народной поэзии, а доктор филологических наук Эйно Генрихович Карху близок к завершению огромного труда, в котором освещаются литературные связи России и Финляндии. Большой интерес представляют работы Р. Тароевой «Материальная культура карел», Г. Макарова «Карельские пословицы, поговорки, загадки», В. Пименова — «Вепсы», а также исследования И. Сюкияйнен, М. Власовой, Ю. Савватеева и других.

«Очерки истории Карелии» в двух томах, «Антология карельской поэзии», большой сборник карельских народных сказок, «Летопись литературной жизни Карелии», «Русско-финский словарь» (в нем более шестидесяти тысяч слов) — вот некоторые наиболее значительные коллективные работы института за последние годы.

Может, кому-то из читателей этот список книг покажется скучным. Но я сознательно перечислил их. Мне кажется, что если кто-нибудь захочет поближе познакомиться с Карелией, ему не обойтись без них.

Более ста тысяч пассажиров в год обслуживают аэропорты Карелии.

Из Петрозаводска авиалинии уходят во все уголки республики. Турбореактивные лайнеры совершают рейсы за пределы республики. Зачастую легче бывает попасть из Петрозаводска в Москву, чем в недалекую карельскую деревню.

Авиация — великое дело. Но не менее важны дороги, что проложены на земле и воде.

С окончанием реконструкции Волго-Балтийского канала Петрозаводск стал портом пяти морей, и теперь отсюда можно попасть к Белому морю, Северному Ледовитому океану, к Балтийскому, Черному и Каспийскому морям.

Живописны окрестности столицы Карелии. Примерно в двадцати километрах от Петрозаводска по Шелтозерской дороге на самом берегу Онежского озера стоит старинное село Деревянное. Длинная улица образована массивными сосновыми домами. Позади них шумит хвойный лес. А берег озера на многие километры покрыт чистейшим желтым песком. Неудивительно, что петрозаводчане с удовольствием отдыхают здесь летом.

Тут же поблизости расположено несколько пионерских лагерей.

Если бы мы поехали по этой дороге дальше, то могли бы добраться до Шелтозера и попасть в древнюю страну вепсов. Это небольшая народность со своим языком, колоритными обычаями, бытом, преданиями. Чистота в вепсских деревнях поразительная. Кроме земледелия и рыболовства, здешний народ знает толк в камне. В Шокше и Рыбреке находятся знаменитые карьеры диабата и малинового кварцита.

Отсюда ценный камень уходит во все концы страны.

На берегу широкой полноводной реки Шуя стоит одноименное древнее село. А недалеко отсюда блещут голубые плесы Кончезера. Чудное озеро! Летом и зимой, весной

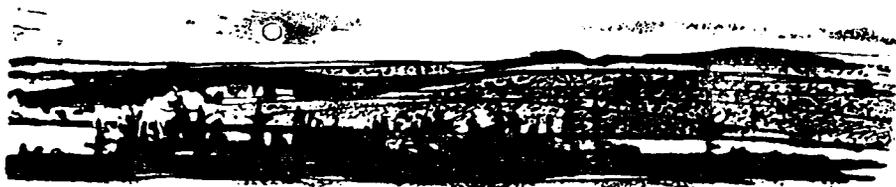
и осенью тысячи петрозаводчан приезжают сюда со своими снастями, но рыбы все еще хватает. В его длинных и узких проливах, в глубоких омутах между скалистыми берегами приволье для всевозможной рыбы. Отсюда начинается живописнейшее межозерье. С прибрежных скал открываются сказочные пейзажи.

Дальше по дороге, на другой стороне Кончезера, сохранились развалины построенного еще в 1707 году медеплавильного завода.

Как ни странно, но именно здесь, в нескольких километрах от старинного завода, Петром Первым был открыт первый в России курорт.

Причем же здесь завод? А дело обстояло так.

Приписанный к этому заводу крестьянин из деревни Виданы Иван Ребоев, «болевший сердечной болезнью», набрел в 1714 году на источник. В поисках облегчения он потреблял эту воду и... исцелился.

Слух о чудесном источнике дошел до управляющего олонецких горных заводов. Тот знал, что Петр давно искал в России целебные воды. Он и сообщил царю о находке, представив ее как собственное открытие.

Из Петербурга приехал посланный Петром лейб-медик и нашел источник превосходным.

Действие железистой воды проверяли сначала на солдатах гарнизона, потому и окрестили курорт по имени бога войны и железа Марса — Марциальным.

Петр отдал приказ построить у источников дворец. Сам он приезжал сюда несколько раз и остался очень доволен лечением. Находчивый управляющий получил в награду за «свое» открытие шестьсот рублей и украшенный бриллиантами портрет царя. Иван Ребоев тоже осмелился напомнить о себе и попросил грамотных людей составить на царское имя челобитную, на которой Петр собственноручно написал: «За объявление сего, что первый знак лечения на нем означился, освобождается он и дом его с землею, чем владеет, от всех работ и податей на медных заводах».

После смерти Петра первый русский курорт был вскоре забыт и его постройки постепенно обветшали. От старых времен сохранилась только церковь, для которой Петр I собственноручно вытачивал предметы убранства.

Прошло немало лет, и вот на открытых Ребоевым целебных источниках создан такой санаторий, о котором можно составить представление по несколько шуточной, но полной признательности записи, которую оставил один из его посетителей: «Ваш санаторий — филиал рая на земле».

И это не очень-то уж большое преувеличение: санаторий «Марциальные воды» привлекает больных из разных уголков Советского Союза и из-за границы.

Недалеко от Кончезера начинается заповедник первозданной девственной природы: стройные стволы мачтовых сосен, густые ельники, тенистые березовые рощи. От самого края дороги взлетают рябчики, здесь можно увидеть глухаря, косача.

Дорога до самого берега реки Суны идет лесом, и вдруг совершенно неожиданно открывается вид на воспетый еще Державиным величественный водопад Кивач.

Алмазна сыплется гора
С высот четырех скалами.
Жемчугу бездна и сребра
Кипит внизу, бьет вверх буграми.
От брызгов синий холм стоит,
Далече рев в лесу гремит...

Но стоп! Незаметно мы начали потихоньку уходить в глубь Карелии. А у нас есть еще о чем поговорить в Петрозаводске. Прежде чем совершить наши путешествия по дорогам республики, надо сказать несколько слов о наших гостях. Ведь и они, прежде чем посетить разные уголки Карелии, останавливаются в Петрозаводске.

Хочу прежде всего сказать об одном очень хорошем человеке, который хотел быть нашим гостем, но не довелось ему. Я имею в виду гаитянского писателя Алексиса Жака Стефена, с которым я познакомился в Москве.

Алексиса очень интересовал север со всеми его контрастами: снег, белые ночи, цветущая черемуха, медведи, мороз...

— Как это? Ночи совсем, совсем белые, как днем? И черемуха — тоже белая? Чудо! Обязательно приеду посмотреть!

— Приезжайте, гостем будете!

Кижы — остров игрив

А теперь на север! Путь от столицы республики до Заполярья мы преодолеем где по воде, где по рельсам — по железной дороге.

Это будет наше самое долгое путешествие. На этом пути больше всего городов, ощутиме ритм сегодняшней жизни.

Но...

Но перед тем как окунуться в большие дела сегодняшней Карелии, познакомимся с одним из карельских чудес прошлого.

Наш теплоход «Спутник» ныряет в сужение между материком и прибрежными островами. Мимо молча проплывают зеленые берега проливов и заливчиков. Здесь и там виднеются деревни островитян. Пронесются рыбаки на парусных и на моторных лодках. Время от времени из-под носа судна вспархивают утки.

Все пассажиры «Спутника» напряженно смотрят вперед.

Наконец там, над дальним островом, возникает серебристое сияние.

Это Кижы приветствуют гостей своими куполами.

По мере того как теплоход приближается к берегу, на глазах растет величественный ансамбль Кижей, всемирно известный памятник архитектуры.

В это воскресное утро мы были самыми ранними посетителями Кижей. В полной тишине мы наслаждались причудливыми очертаниями главного сооружения кижского погоста — двадцатидвухглавой Преображенской церковью и возвышающейся рядом стройной колокольной.

Неподалеку расположены свезенные сюда из разных уголков южной Карелии дома, амбары, часовенки, ветряная мельница. По ним можно судить об искусстве северян — мастеров деревянного зодчества двухсот — трехсотлетней давности.

Преображенская церковь воздвигнута в 1714 году. А самое старинное строение этого своеобразного музея под открытым небом — Лазаревская церковь, доставленная сюда из Муромского монастыря; предполагают, что она построена в конце XIV века.

Какая красота и самобытность, какая добротность и долговечность в этих сооружениях! Стройная пирамида главок, изящный орнамент на дереве, фигурные оконные решетки, резное кружево наличников, аккуратные контуры звонницы... Как не восхищаться умением, вкусом и художественным чутьем древних мастеров.

Не зря Кижы стали местом паломничества ценителей прекрасного со всех концов страны и мира.

В старинных крестьянских жилищах, перевезенных на остров и заботливо реставрированных, воскресают страницы вчерашнего дня карельского народа. Орудия труда и домашняя утварь рассказывают о жизни наших предков и о жестокой борьбе за существование на суровой северной земле.

Как бы продолжением творческой традиции безымянных мастеров прошлого является великий труд бригады плотника-реставратора Михаила Мышева. Своим острым топором они отесали из осины сорок восемь тысяч лемехов для нового покрытия купола.

Заонежье — древнее хранилище русского устного народного творчества. Здесь были записаны сотни былин и сказок, вошедшие затем в золотой фонд русского фольклора. Здесь жила и творила знаменитая династия сказителей Рябининых. Здесь родилась и жила известная всему миру Ирина Андреевна Федосова. Это ее причитания были использованы Некрасовым в поэме «Кому на Руси жить хорошо». Талантом Ирины Федосовой восхищались Горький и Шалапин. Творчество ее высоко ценил Владимир Ильич Ленин.

Новое время хлынуло веселой пенящейся волной на этот исторический остров, который древние жители называли Кижам-саари — Остров игрищ.

Легенды хранят предание о том, что, когда Преображенская церковь, построенная без единого гвоздя, была готова, мастер-строитель забросил свой топор в волны Онежского озера, чтобы никто не смог больше создать подобное.

Топор этот давно найден. Иначе Кижам нельзя было бы вернуть их прежний облик. Понстине так! Чудесный топор найден и помог не только воссоздать Кижы. Славные наши современники строители, верные традициям древних мастеров, создали свои чудо-города Петрозаводск, Кондопогу, Сегежу, Надвоицу и другие.

Кондопога

В тихие, светлые дни в Онежском озере отчетливо отражается строгое гранитное здание одной из первых в Карелии ГЭС, поставившей энергию соседнему целлюлозно-бумажному комбинату.

Кондопога! Это символ начальных этапов социалистического строительства в Карелии.

В конце 1920 года Владимир Ильич встретился с Э. А. Гюллингом. Они говорили о создании в Карелии бумажной промышленности, о сооружении Кондопожской гидростанции. Еще через несколько месяцев были намечены сроки строительства. В 1922 году по инициативе Владимира Ильича для нужд новостроек ассигновали один миллион. По тем временам это были очень большие деньги. Вся советская страна помогала Карелии в создании первого крупного промышленного предприятия.

В январе 1929 года вступили в действие две первые турбины электростанции, в июне того же года заработала первая бумагоделательная машина.

К 1940 году целлюлозно-бумажный комбинат стал одним из крупнейших в Советском Союзе предприятий по выпуску бумаги и целлюлозы.

И тут пришла война. Кондопогу заняли фашистские войска.

Летом 1944 года город было трудно узнать. Войдя в него вместе с наступающими советскими частями, я записал в свой блокнот военного корреспондента: «Город разрушен. Уничтожено около трехсот жилых домов, водопроводная сеть, все коммунальное хозяйство... Прекрасный промышленный комплекс искалечен до неузнаваемости. В цехах господствует хаос взорванного бетона и железа. Машины превращены в лом. На боках огромных цементных труб, пролегающих через территорию комбината, зияют отверстия, из которых на десятки метров в стороны и вверх бьют фонтаны воды. Пегматитовый за-

вод, деревообрабатывающие предприятия, механические мастерские также уничтожены полностью. Великолепный Дворец культуры превращен в конюшню. Война оставила в городе ужасные следы и, возможно, еще более ужасные в сердцах его жителей».

Но люди не пали духом. Уже в 1947 году Кондопожский целлюлозно-бумажный комбинат вступил в строй действующих предприятий.

Толубая лестница Севера

На Повенецком рейде в ожидании буксиров дремлют груженные лесом лихтеры. Им плыть на юг. Недалеко от них смотрятся в водную гладь несколько больших белых, с высокими бортами рефрижераторов. За рыбой, что ли, отправляются на север?

«Повенец — свету белому конец», — гласит старая поговорка. Раньше она оправдывалась уже одним тем, что здесь было место ссылки. В свое время здесь отбывал ссылку Михаил Иванович Калинин.

Сейчас Повенец приобрел черты маленького приятного городка. На крышах новых жилых зданий возвышаются телевизионные антенны. Молодые березовые аллеи и небольшие скверы завоевывают местожительство на голом песчаном пространстве.

Год из года крепнет местный звероводческий совхоз, выращивающий норок, черну-бурых лисиц и песцов — живое мягкое золото. Наша северная пушнина высоко ценится в Лондоне и в Париже, в Хельсинки и в Нью-Йорке. За нею на ленинградский пушной аукцион приезжают со всех концов мира.

В глубине Повенецкой губы начинается Беломорско-Балтийский канал.

Позади Онежское озеро, впереди канал. Наш «Спутник» проскользнул в первую камеру.

Из-под верхних щитов навстречу бурлит пенящаяся вода, и скоро мы чувствуем, как теплоход начинает подниматься из глубокой пропасти.

Проще несколько минут, и перед нами открылись вторые ворота.

Попав в следующую камеру, мы оказались... на хребте гряды. Внизу серебристая гладь Онежского озера. Повенец смотрится, как с горы! Своеобразное это ощущение: взобрались на вершину и в то же время мы находимся на воде, которая будет поднимать нас все выше и выше к Белому морю.

На канале царит исключительный порядок. Сооружения его изящны и очень ухожены. Шоссе, идущее вдоль канала, окаймлено декоративными кустами и цветами, зеленые насаждения бросают прохладную тень.

За дорогой открываются пашни, за пашнями виднеются животноводческие фермы.

Зеленеющие луга и распутившийся молодой лес почти полностью скрыли следы жестоких боев военных лет. Мирный труд преобразил облик этого края.

Вспоминается июнь 1944 года. Повсюду, где враг неистовствовал почти три года, мы встречали следы разрушений. Враг взорвал плотины, и необузданная сила воды пробила себе путь в прежнее русло. На месте поселений лежали развалины и покореженное железо, весь район представлял собой непроходимое минное поле. Канал был лишен жизни, обескровлен.

Сразу после освобождения сюда прибыла первая группа восстановителей канала. Прежде всего нужно было построить поселок для пяти тысяч восстановителей канала, мост через реку, разминировать прилегающую к каналу территорию.

Все это и многое другое было сделано в предельно сжатые сроки. Уже летом 1946 года канал был вновь открыт для судоходства.

«Спутник» движется вперед. Земляные береговые насыпи канала то и дело сменяются каменной кладкой. Порой она тянется много километров. Камень за камнем, кусочек за кусочком завоевывались эти дикие места.

Протяженность канала 227 километров, на нем 19 шлюзов с камерами и шлюзовыми механизмами, 15 плотин, 49 дамб, десятки опятных, уютных поселков...

Предполагается модернизация канала. Тогда он сможет пропускать большие океанские суда.

Голубая магистраль соединяет наши северные моря со всеми другими морями Европейской части Советского Союза. Это безотказная дорога, по которой доставляют хлеб, нефть, соль, машины и сырье для промышленных предприятий карельского Севера, Хибинских гор и всей Мурманской области.

Тем же путем Север отправляет на юг свои богатства: лес, пиломатериалы, стандартные дома, рыбу, строительный камень, минеральные удобрения...

Сегежа

Силуэт поднявшегося на берегу Выгозера гигантского комбината врезается в сознание, как символ масштабов нашего созидательного труда. Пышущий силой и сияющий какой-то особой красотой, город притягивает к себе...

Доносящийся из заводских корпусов гул не утихает ни днем, ни ночью. Краны в вечном движении. Их стальные руки подают стройкам кирпичи, железобетонные плиты, раствор...

Новичку в этом городе, возможно, будет непривычно и неуютно. Земля кругом разворочена. Зияют котлованы под будущие дома, многие улицы еще перерыты вдоль и поперек глубокими каналами для теплотрасс и водопровода...

С одним из патриотов этого города-стройки мы разговорились о будущем новой Сегежи. Улыбающийся, плотный человек средних лет сразу взял быка за рога.

— Наш район уже сейчас производит продукции в несколько раз больше всей довоенной Карелии. А уж в царской России такое и не снилось. Здесь и целлюлоза, и бумага, новейшие строительные материалы... Больше половины изготовленных в Советском Союзе крафтмешков — продукция нашего комбината...

И вот мы на комбинате.

— Начавшиеся после войны расширение и реконструкция продолжаются по сей день, — рассказывает директор. — К 1970 году мы будем давать более миллиарда штук крафтмешков. Если их вытянуть в одну ленту, то можно опоясать земной шар двадцать пять раз...

В бумажном зале выстроились в два ряда длинные, напоминающие поезд, бумагоделательные машины. Ровное гудение, бешеная скорость бегущей через многочисленные валы широкой коричневой бумажной ленты. Спокойные, рассчитанные движения рабочих. Огромные, тяжелые рулоны готовой крафтбумаги в «сухом конце».

В следующем опять конвейер: на глазах растут кипы готовых мешков.

Увидев все это, перестаешь удивляться миллионным цифрам. Здесь кажущаяся абстракция превращается в реальность.

...Было время, когда на месте нынешнего города стояла небольшая, неизвестная не то что миру, а и самой Карелии серенькая деревушка, получившая название от одноименной реки. Слово «сегеж» значит ясный, чистый.

Надвоицы

Города у старой стальной магистрали имеют много общих черт. Но у каждого из них есть свои особенности. Надвоицы самый молодой из них.

Я знал старые Надвоицы: серые, некрашенные, дощатые или бревенчатые бараки, хаос пристроек, сооруженных из бросового материала без всякого плана, ухабистая дорога...

На этот раз я будто попал в совершенно незнакомое место, где даже в расщелинах скал растут цветы, где вдоль широких асфальтированных улиц выстроились многоэтажные светлые дома, где на каждом шагу чувствуется след настоящего хозяина и где поневоле на память приходит старая карельская поговорка: «Хозяйские шаги украшают землю».

Редко где так, как в Надвоицах, заботятся о быте, где так красиво и добротно строят, сажают столько деревьев, следят за чистотой улиц.

Значит, безусловное выполнение своего трудового долга вполне можно сочетать с культом красоты и порядка.

Корпуса алюминиевого завода стоят на скалистой возвышенности в окружении леса. Вытянутые в цепочку краснокирпичные здания цехов выглядят очень скромно. Более мощное впечатление производит гигантская вытяжная труба, через которую из цехов выводятся вредные для здоровья газы. Ажурные конструкции электрических подстанций окружены высокими шпилями громоотводов.

В цехах царство электроэнергии. Глубокое ровное гудение высокого напряжения, проходящего сквозь сложную аппаратуру.

А там, где делается «крылатый металл», наше внимание прежде всего привлекли несколько странные очертания лентообразных токопроводников. Они меньше всего напоминали электрокабель и были похожи на толстые, бесконечно длинные доски. Какая мощь должна проходить по ним!

Завод работает без перерыва, круглые сутки. И непрерывно растут горы белых, блестящих слитков «крылатого металла», так нужного всем отраслям промышленности страны.

На каждом слитке обозначены три буквы — НАЗ — Надвоицкий алюминиевый завод.

Беломорск

«Сорок островов, тысячи домов», — так говорили раньше про село Сорока — нынешний Беломорск.

Старая Сорока была большим поморским селом, расположенным на десятках островов, соединенных деревянными мостами. И сегодня в Беломорске мостов, пожалуй, больше, чем во всех остальных городах Карелии, вместе взятых. И хотя в городе давно ведется строительство современных многоэтажных каменных домов, доминирующим все еще остается дерево: бесчисленное количество старых и новых бревенчатых построек, деревянные мосты, дощатые тротуары. Царство дерева на лесопильном заводе и в порту...

Скалы, скалы, скалы...

И все же...

Шоссе, ведущее с вокзала в город, уже приобрело гладкое асфальтовое покрытие. Больше зелени, больше березовых, черемуховых и тополевых аллей, скверов... Высокие подъемные краны у новостроек. Там и тут мощью новой техники рассекаются скалы; прокладывают водопровод. О, как это нелгко — обеспечить северный город, стоящий на сплошных скалах, водопроводом!

Новый железобетонный мост через реку Выг — самый длинный в Карелии.

У входа на новый мост притулились два старых, обшитых досками двухэтажных дома. В годы войны под их крышами нашли приют редакции республиканских газет. И тут же рядом зеленеет березовый скверик. Как он разросся! А ведь в те годы у этих берез мы сажали картофель. Землю надо было таскать с другого конца, и мне никогда не забыть, как наши хрупкие девушки-машинистки побелевшими от напряжения пальцами сжимали шершавые жерди тяжелых носилок...

Над входом большого здания табличка «Районный комитет партии»... А в те годы в этом доме размещалось руководство партийной организации всей Карелии, эвакуированное из занятого врагами Петрозаводска.

Вражеские войска оккупировали тогда большую часть территории республики. И Беломорск стал временной столицей. Здесь же находился штаб Карельского фронта. Город был перенаселен. Но гостеприимные хозяева не роптали. Полным ходом работала лесопильный завод, мастерские, железнодорожное депо, порт. Рыбаки с весны до глубо-

кой осени выходили в море на своих судах и лодках, зимой — на лошадях на подледный лов.

Здесь же сотни и тысячи людей, старых и молодых, коммунистов и беспартийных, получали ответственные задания: одни отправлялись на фронт, другие — на работу в лес и в море, третьи — в партизанские отряды, в подпольные организации, действовавшие на оккупированной территории.

Кировская железная дорога была перерезана еще осенью 1941 года. Единственная нить, связывающая советский Север со всей остальной страной, — только что протянутая, но далеко не законченная Сорокско-Обозерская дорога. Рельсы были плохо закреплены, мосты слабы. Поезда ходили со скоростью всего пять километров в час.

Тысячи жителей Карелии вышли достраивать железную дорогу. Трудности были невероятные: болота и скалы, нехватка оборудования, одежды, рабочего инвентаря, скудные продовольственные пайки, отсутствие жилья, летом — комары, осенью — дожди, слякоть, зимой — морозы. И все же задание родины было выполнено с честью.

Надежда врага на полную изоляцию Мурманской области и Северной Карелии рухнула. Благодаря новой магистрали войска Карельского фронта бесперебойно обеспечивались всем необходимым, связь центра страны с Мурманском, единственным незамерзающим портом на Севере, не прекращалась ни на один день.

Вот что такое Беломорск тех героических лет.

Беломорск — морские ворота края. В порту большое скопление кораблей, пришедших за карельским лесом, а также — рыболовных траулеров, плавучих баз, морских буксиров, неуклюжих, но зато очень вместительных лихтеров...

Беломорск — родина знаменитых мореходов. Знаменитый полярный капитан Владимир Иванович Воронин, командир легендарного «Челюскина», — уроженец недалекого отсюда поморского села Сумпосад.

Беломорск — кузница кораблестроителей, главный порт карельской рыболовецкой флотилии. Отсюда отправляются на просторы северных морей и Атлантики десятки рыболовных судов, в Беломорск и в Мурманск возвращаются они с богатым уловом.

Есть у карельских моряков добыча, которой особенно интересуются любители острых закусок. Я говорю о знаменитой беломорской сельди.

Благороднейшая из благородных рыб — северная семга. Она обитает в порожистых реках, впадающих в Белое море. Заходит в Белое море и гренландский тюлень, мех которого высоко ценится на пушных аукционах.

Бывают и чудеса — иногда забредет кит...

Богатое море — Белое море.

В далеких морях ходит много судов карельской флотилии. Их часто называют просто «карелами». Так и говорят: «Карелы» здорово работают...»

А на бортах «карелов» родные имена: «Николай Ригачин», «Анна Лисицына» — это в честь Героев Советского Союза.

«Адольф Тайми» — в память стойкого революционера, командующего финскими красногвардейскими войсками, участника Великой Октябрьской революции.

«Василий Солунин» — это в честь мужественного борца за Советскую власть в Беломорье...

Славные, героические, обязывающие имена! Под красными вымпелами передается эстафета стойкости и мужества молодому поколению...

Строительство Беломорско-Балтийского канала вдохнуло новую жизнь в старинную Сороку, превратило ее в город. Благоприятное влияние этой голубой магистрали растет с каждым годом.

Район Беломорска стал ареной энергостроительства республики. Уже введены в строй все пять электростанций каскада на реке Выг.

Две из них находятся в тех самых местах, где еще в 1848 году обнаружили удивительные по своей точности и детализации древние наскальные рисунки: люди на охоте, морские и лесные звери и многое другое.

Что заставило первобытного человека позаботиться о том, чтобы оставить на память о себе такой многотрудный след?

Карельский писатель, археолог и этнограф А. М. Линевский при помощи местного населения обнаружил еще новые места наскальной живописи. В итоге огромного исследовательского труда он объяснил тайну этих наскальных рисунков — петроглифов, рассказывающих о жизни первобытного человека. Позднее А. Линевский написал свою ставшую очень популярной повесть для юношества «Листы каменной книги».

По инициативе ученых республики, места, где обнаружены петроглифы, объявлены заповедниками. Над наиболее ценными скалами устраиваются павильоны, чтобы сохранить рисунки для будущих поколений.

Созданные воображением древнего человека наскальные рисунки соседствуют с детищами атомного нашего века. Но сколько разделяет их! И какой разительный пример прогресса являет это соседство!

Кемь

«Тюлени в центре города!

Да, да. Вот они там плавают в Пудасе, за этим островком...

И целый день люди на берегу смотрели, как кувыркались в воде пестрые морские звери...

То ли их занесло вместе со льдами, то ли пригнала их сюда большая вода...

Тюлени, испуганные и любопытные, выглядывали из воды и с интересом осматривали стоящих на берегу людей. Может быть, они тоже удивлялись странным существам, которым суша милее воды.

Больше всего тюлени привязались к ребятишкам. Подплывали к берегу, выплывали, опершись на ласты, и безбоязненно брали хлеб из рук. А когда им что-либо не нравилось, они сердито крутили головой...»

Эта заметка появилась на четвертой странице кемской районной газеты в начале июня 1965 года. Информация сопровождалась снимком, на котором подплывший к берегу тюлень высовывает из воды свою смешную усатую мордочку, чтобы получить очередную порцию хлеба...

Но в те дни большинству кемлян было совсем не до смеха.

Растаявшие в верховьях реки Кемь обильные снега ринулись вниз. Вода начала затоплять прибрежные улицы и целые районы. Вместо обычных транспортных средств появились лодки. Пришлось организовывать переправы... Река стала непослушной. На ней образовались огромные заторы из древесины. Рвущаяся к морю вода напирала на сооружения запанч. Вести сортировочные работы стало очень сложно. От людей требовалось настоящее мужество.

Небывалый паводок стал настоящим испытанием для строителей Путкинской гидроэлектростанции, сооружаемой в нескольких километрах выше города. Вода угрожала затопить котлован, где полным ходом шли строительные работы. Она поднялась на семь метров! Срочно мобилизовали двести автомашин, которые круглые сутки возили к угрожающим местам камень и грунт.

И люди, как и их сооружения, выстояли, выдержали буйное наступление природы.

Время такое, силы такие...

Бури времени на протяжении многих веков порядком потрепали Кемь. Сюда то и дело наведывался из-за западного рубежа недруг. Не один раз городок сгорал дотла. Не один раз и буйная река Кемь начисто сносила прибрежные жилища людей. Но город и его жители были выносливыми. Они выстояли.

Очевидно, все это наложило свой отпечаток на внешний облик города. Еще совсем недавно он был похож на приземистую, карликовую заполярную сосну, цепляющуюся своими корнями за расщелины скал.

Кемляне считались смелыми моряками и рыбаками, умелыми кораблестроителями. Двести лет назад кемские мужики ходили на своих суденышках к Ледовитому океану. Отсюда олончанин Савва Лошкин первый объехал Новую Землю.

Кемь — ровесница Соловецкого монастыря, основанного в XV веке на одноименных островах Белого моря. А грамоту уездного города Кемь получила в 1785 году из рук известного нам олонцкого генерал-губернатора поэта Гаврилы Романовича Державина, самолично добравшегося до устья Кеми-реки.

Кемь долгое время подчинялась Соловецкому монастырю. Она служила форпостом русского государства против шведского нашествия. Постепенно она превращалась еще и в оплот чиновничества, купечества и духовенства. Соловецкий монастырь и казна однако ж заботились о том, чтобы в городе не оседали лишние капиталы, не давали ходу промышленности. Только в 1863 году в устье реки появилась первая лесопилка. Но вскоре она обанкротилась, так как власти более милостиво относились к иноземным лесопромышленникам.

Прошло еще двадцать лет, пока удалось основать новую лесопилку. С этого началось все расширяющееся освоение огромных лесных массивов в бассейне реки Кемь.

Перед Октябрьской революцией в Сороке и Кеми сложился один из самых передовых отрядов рабочего класса Карелии.

В годы революции, иностранной интервенции и гражданской войны Кемь стала ареной ожесточенной борьбы. Она еще более закалила рабочих, тех, чьими руками затем были заложены первые камни социалистической Кеми.

Когда поезд из-за скалистой возвышенности выходит на мост через реку, перед глазами открывается панорама всего города. Лишь величественные контуры построенного в 1717 году Успенского собора да низенькие ряды потемневших деревянных построек напоминают о старой Кеми. Главенствуют же современные каменные здания, построенные за последние два десятилетия.

Новый, облицованный светлой керамической плиткой вокзал. Оживленное движение автотранспорта. Почти через весь город проходит широкий Пролетарский проспект. Густые березовые и тополевые аллеи смягчают суровую монотонность вытянутых в шеренгу многоэтажных каменных домов.

Перед новым Домом культуры установлен красивый памятник первому вожаку революционной молодежи Кемского уезда герою гражданской войны Виктору Минину.

Город разделен рекой на две части. В устье — запань. Там каждый год сортируются десятки миллионов бревен для отправки на лесопильные заводы, для погрузки в вагоны и на корабли. Весь многокилометровый берег от города до Рабочеострова — в огромных штабелях поднятой из воды древесины.

Рабочеостров — самый оригинальный из виденных мною рабочих поселков. Это оазис дерева. Жилье из дерева, улицы во всю ширину из дерева. Портовые сооружения, лесопильный завод — тоже.

Поскольку площадь острова небольшая, у моря отвоевываются новые территории — тоже при помощи дерева. Заливчики заполняются отходами лесопиления: опилками, рейками, горбылем. Это вновь рожденные участки суши.

На каждом шагу в городке висят объявления: «Курить запрещается!»

Вспыхни огонь где-нибудь — весь остров сгорит.

Самая мощная, самая полноводная

Город Кемь получил свое имя от реки, в устье которой он стоит. Река эта много значит для всей Северной Карелии. По ней и совершим путешествие в край Калевалы — к верховьям Кеми и к озерам Куйто.

Кемь! Эта река, берущая начало в озерах у границ с Финляндией и впадающая в Белое море, всегда имела и сейчас имеет огромное значение для народа Калевалы. С ее именем связаны события целых столетий и множество человеческих судеб.

Не раз приходилось карелам защищать в жарких битвах свои деревни на Кемь Панозеро, Суопассалми, Юшкозеро. Об этих битвах рассказывают народные предания, могильные холмы и старинные летописи. До сих пор лемех тракторного плуга иногда натывается в земле на заржавевшие мечи.

Река была свидетельницей жестокой борьбы, которую люди вели на ее берегах и водах за свое существование. Каких грудов стоила перевозка грузов по реке, продолжавшаяся с весны до поздней осени! Это был сверхчеловеческий труд. Медленно плывли груженные лодки против течения, пот градом лил с гребцов. Еще большее напряжение сил требовалось на многочисленных кемских порогах. И товары, и даже лодку часто приходилось тащить по суше — в обход грохочущего порога.

Как много должен был раньше носить на себе карел — куда ни пойдешь, всегда ноша за плечами! Осенью, когда шли дожди вперемешку со снегом и когда начинались заморозки, преодолевать пороги было вдвойне труднее и опасней. Покрытые ледяной коркой камни нельзя было считать за опору. Намокшая в студеной воде и затвердевшая на морозе бичева врезалась в плечи и обжигала ладони. Хилые, слабосильные люди для такой работы не годились.

Шоссейная дорога переложила грузы Кемь на свои плечи. Но река от этого не потеряла значения. Она стала важной сплавной магистралью. Не перевелось еще и славное племя кемских кормицников, искусно спускающих по порогам свои лодки.

Каждый год по Кемь идет сплав. Дождливое, многоводное лето причиняет работающим на сенокосе много неприятностей, а сплавщику оно не помеха. Сплавщик доволен, если воды много: значит, бревна могут плыть спокойно и меньше камней будет цепляться за них на порогах.

«Вот где размачиваются сапоги и штанины мокнут», — поется в старой песне из жизни сплавщиков. Иногда интересуются: сохранился ли на сплаве былой романтический дух теперь, когда на смену лодке с воротом пришли буксирные катера и электролебедки, когда на помощь сплавщику пришли водометные катера и вездеходы-амфибии, когда бревна скатывают в воду тракторами, а сплавщики-патрули разъезжают по реке на быстроходных моторках?

И да, и нет. Багор сплавщику нужен по-прежнему. И большая физическая сила, способность не спать ночами, и долготерпение лесного жителя — все это нужно и тогда, когда сплавщику помогают машины, а радио связывает его со всем миром.

Современный сплав с его грандиозными масштабами — дело не простое. Когда миллионы бревен двинутся в путь, их надо в срок доставить до пункта назначения. В одном месте плот может разойтись, в другом может образоваться залом. Не успеешь вовремя — тысячи бревен застрянут на мелководье. А за такое по голове не глядят.

Каждое лето через Юшкозеро проходит хвост сплава по Чирка-Кемь. Это большое событие и трудовой праздник для всего коллектива, насчитывающего сотни людей. В эти дни в Юшкозере царит необычное оживление. Рослые загорелые парни разгуливают по улицам села, обмениваясь веселыми приветствиями и новостями. В магазинах тесно от покупателей с тугими кошельками. Топятся бани. Возле клуба до глубокой ночи не утихают звуки гармоники... Важное дело, народное дело, веселое дело — сплав!

Кое-что из старины

Юшкозеро, о котором вы уже знаете, Калевала, к которой мы пробираемся, и еще село Вокнаволок, о котором пойдет сейчас речь, расположены в разных концах озерной системы Куйтто (три озера, соединенные проливом и рекой, составляют как бы единую водную систему) и образуют своего рода треугольник.

В Вокнаволоке, как и во всей Калевале, не забывают ничего из того, чем славен человек. Истории переходят из уст в уста. Одни из них веселые, другие грустные. Одни годятся для присловья, другие будят в людях мужество и добро.

Вот, например, рассказ о некоем Яакко Локинайнене.

В детстве товарищи посмеивались над его неповоротливостью. Вначале Яакко не обращал на них внимания, лишь поглядывал исподлобья. Но когда один из сорванцов все-таки донял его, он сорвал с головы того смельчака картуз, неторопливыми шагами подошел к амбару, обеими руками приподнял за комель нижнее бревно и сунул картуз под угол. Ребятишки всей оравой, как ни старались и ни пыжились, не смогли приподнять угол амбара. С тех пор Яакко больше в глаза не дразнили.

Став взрослым, Яакко обрабатывал поле и расчищал покосы, валил лес и сплавлял его по реке, занимался извозом и рыбачил. При народе он избегал показывать свою силу. Он не был хвастуном. Если в лесу поблизости оказывался еще кто-нибудь из лесорубов, Яакко мог возиться с бревном, словно дряхлый старик.

Порой слабосилнее других вызывало в Яакко раздражение. Как-то во время сплава стали расширять каменистое русло. И такой тут огромный валун попался, что мужики с вагами прокопшились вокруг него полдня. Видя, что конца их суете не предвидится, Яакко Локинайнен отшвырнул свой кол в сторону, присел на камень и промолвил:

— Слушайте-ка, мужики, расчистите землю вокруг камня да катитесь восвояси! Сплавщики сделали, как он велел. А Яакко сидел поодаль да покуривал трубку.
— Теперь проваливайте!

Когда сплавщики пришли на следующее утро, они увидели камень уже на порядочном расстоянии от ручья.

В другой раз пятеро мужиков несли шестипудовый якорь. Они то и дело останавливались передохнуть. А Яакко нес такой же якорь один. Пока мужики добрались до цели, Яакко Локинайнен вернулся назад и принес еще один точно такой же якорь.

Ехал как-то Яакко с грузом из Кемпи. Возчики, ехавшие порожняком со стороны Ухты, не захотели уступить дорогу. Яакко рассердился, поднял и переставил их сани с дороги в снег.

Если лошадь у него выбивалась из сил, так что не могла идти дальше, Яакко говорил:

— Ты, меринок, не беспокойся! Пока я здоров, до беды далеко.

Яакко Локинайнен брался за оглобли и тянул воз. А мерин шагал следом и пощипывал сено из задка саней.

Летом Яакко вместе с другими корчевал пни. Поначалу он, как и все, тоже возился вокруг большого пня. Однако потом, забыв о своих прежних правилах, он рванул пень так сильно, что тот вылетел с корнями и накрыл людей. Яакко переставил пень на другое место и сказал:

— Простите, братцы, нечаянно получилось.

Северный садовод

Густые сосновые боры шумят вокруг Юшкозера. А поодаль, за низкорослым прибрежным лесом, синеют ельники. Осенью природа дарит селу яркую гамму красок: желтизну берез, пламенный багрянец осин и рябин.

Однако в центре села можно заметить и нечто такое, что надолго задерживает взгляд путника и наводит его на раздумья.

У реки шумит на ветру густой сад. Гигантские тополя, клены, ясени, серебристая ива. За ними видны молодые дубки, боярышник, кусты акаций и сирени, яблони и вишни, цветы, целая плантация малины, смородины и крыжовника. И среди всего этого образцовый огород.

Каждой осенью здесь снимают отличный урожай. Ягоды, фрукты, огурцы, помидоры, тыквы...

Чирка-Кемь делит село Юшкозеро на две части. Неторопливо гребя, мы переправились с материка на остров. Затянули лодку на берег и пошли по тенистой аллее.

На краю сада бревенчатая избушка, обшита дранкой. Стены заросли плющом, двор покрыт цветочным ковром. Георгины, лилии, розы, гвоздика, астры, ромашки и множество других роскошных и скромных цветов.

Дверь избушки распахнута настежь, окна завешены белыми занавесками — сохраняют приятную прохладу внутри. Мы поздоровались с поднявшейся нам навстречу хозяйкой Александрой Федоровной Добрыниной.

Пока она накрывала на стол, я оглядывался по сторонам. Широкие окна словно расширяют невысокую комнату. На длинных полках стоят горшки с растениями. Вдоль стен тянутся длинные узкие ящики с рассадой. На стенах висят картины и портреты знаменитых естествоиспытателей. На столе и на этажерке много книг, альбомов, вырезок из газет, рабочих тетрадей. Пол из толстых досок покрыт лосиной шкурой. Во всем чувствуется уют и рабочая обстановка...

С Александрой Федоровной мне довелось познакомиться еще задолго до войны... В те времена у нас в дополнение к зерновым культурам выращивали лишь картофель, репу, немного лука и редьку.

В Юшкозере же на открытых грядках подсобного хозяйства больницы уже тогда росли огурцы, морковь, свекла, капуста, салат, лук, редиска, укроп и многое другое.

У меня возникло чувство глубокого уважения к этой русской женщине с красивым решительным лицом, которая ради Юшкозера оставила родной Ленинград с тем, чтобы здесь, за сотни километров от железной дороги, создать больницу и начать выращивать овощи, дотоле неизвестные жителям наших деревень. И вот здесь-то, откуда рукой подать до Полярного Круга, наш доктор снимала невиданный урожай.

А. Ф. Добрынина творила и многие другие чудеса. По ее инициативе больница обзавелась теплицей, парниками и ледником, она сажала яблони и ягодные кусты, построила инкубатор, благодаря которому в Юшкозере появились первые куры. О больнице, которой руководила Александра Федоровна, слава пошла по всей стране.

А началось все с того, что наш врач написала И. В. Мичурину письмо, в котором просила совета, как на севере выращивать овощи и фрукты. Вскоре пришло ответное письмо, которое заканчивалось так: «Начатая вами работа — хорошее, благородное дело... Надо экспериментировать и наблюдать, наблюдать и экспериментировать».

Вслед за письмом пришли первые двадцать яблоневых саженцев.

В 1940 году подсобное хозяйство юшкозерской больницы стало участником Всесоюзной сельскохозяйственной выставки. Александра Добрынина была награждена серебряной медалью выставки...

Вспомнилось, однако, и другое.

В конце лета 1942 года наш партизанский отряд возвращался из рейда в тыл противника. В Юшкозере решили отдохнуть. Кое-кто из парней отправился посмотреть больничный сад. На свою радость, они увидели на ветках яблонь краснобокие, почти зрелые фрукты. Их терпкий вкус вызвал в памяти столько прекрасного, волнующего... Когда потом поздней осенью отряд снова проходил через село, партизаны не забыли о яблонях, пошли в сад и укутали их соломенными матами.

После прекращения военных действий в Карелии Добрынина вернулась в Юшкозеро. Осень 1944 года в Калевальском районе была очень тяжелой, но с помощью актива Александра Федоровна за короткое время привела больницу в порядок.

Но случилось и такое: во время отсутствия Добрыниной руководство больницы приказало пустить парники на дрова. Тогдашний председатель колхоза стал обвинять Добрынину в захвате земли.

— Нам нужна картошка, а не цветы,— сказал он, и по его распоряжению был распахан участок, на котором росли восемь пятнадцатилетних яблонь и десятки ягодных кустов.

Много было и других огорчений. И все же Александра Федоровна не сдалась. У нее оказалось много друзей и помощников хватало: то один из выпускников биологического факультета университета все лето проработал в саду, то приходили помогать ей комсомольцы и школьники села.

Добрынина говорила тогда: «Если только удастся увлечь молодежь, то дело, начатое мною, не захиреет... Организовать бы в Юшкозере на основе этого сада опытную станцию!

Помогите и вы, писатели, в этом деле. Представьте себе, что через несколько лет здесь будут созданы большие производственные предприятия, прибудет много народу. Вот тогда и понадобятся дары сада. Потребуется большое количество саженцев плодовых деревьев, ягодников, декоративных растений».

И помощь пришла. По решению Совета Министров республики на базе созданного Александрой Федоровной сада был организован питомник плодово-ягодных и декоративных культур, а А. Ф. Добрынина была назначена руководителем питомника...

Вот на что способен человек, верный своим высоким помыслам.

— А теперь чай пить!

Чай был превосходный, и варенье из ревеня было тоже замечательное.

Сюда и сердце зовет

«Куда бы судьба ни закинула нас, калевальцев, мы всегда возвращаемся в свой край, как лососи к родным берегам».

Навсегда запомнились мне эти слова одного старого калевальца, потому что сама жизнь подтверждает их правоту.

У каждого человека есть и должно быть под солнцем свое место, где он увидел первый в своей жизни рассвет и откуда он, возмужав и приобретя жизненный опыт, приятный ли, горький ли, вышел на великие просторы родины.

Человек не может забыть край, где он родился, пусть это будет на юге или на севере, в широких безлесных степях, на синем морском берегу или в дремучих дебрях тайги.. Не может забыть, если даже пришлось ему в тех отцовских местах изнывать в зной от жажды или стунуть на морозе, тонуть в соленых волнах или, выбившись из сил, изъеденному комарами блуждать в глухом лесу.

О мой песенный край Калевала на берегах трех озер Куйто! Эта сторона для меня очень дорога. И не только потому, что здесь я родился и вырос и что здесь впервые почувствовал тягу к главному делу своей жизни. Тут живут и трудятся мои земляки — самые близкие мне по духу люди. Скромные, честные, гостеприимные, прямые и гордые.

Один из них мне дорог особенно — мой учитель. Не только у меня — у всех выпускников калевальской средней школы, как бы поспешны ни были их побывки дома, всегда найдется время, чтобы навестить Матти Пирхонена.

— Добрый день, учитель!

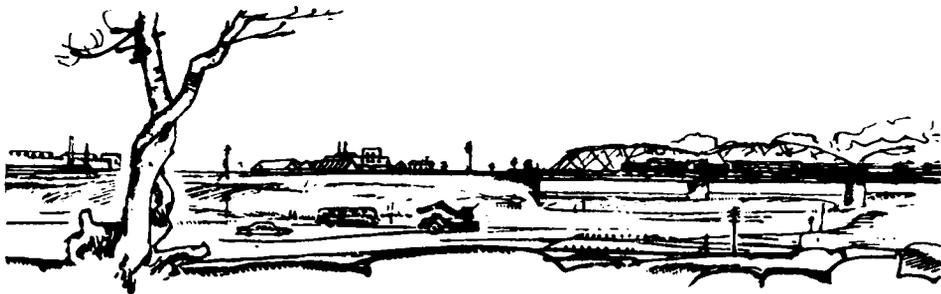
Из качалки навстречу встает седовласый человек. Почти такой же крепкий, как и прежде. И такой же спокойный, добрый...

Вряд ли во всем краю Калевалы найдется другой столь известный и уважаемый человек, как наш учитель Матти Пирхонен. Уже более тридцати лет он в каждый первый день сентября поздравляет юных калевальцев с началом нового учебного года. И каждый раз весной десятки выпускников школы благодарно и растроганно прощаются с учителем.

Никогда не видели мы нашего учителя сердитым, никогда не слышали от него злого слова. Даже в очень трудных положениях. Что он пережил, знает только он сам. В начале войны Матти Пирхонен стал партизаном, затем его боевой путь прошел ю многим фронтам. И после демобилизации характер учителя остался таким же неизменно ровным.

Ему первому несли мы на суд свои робкие литературные опыты. Когда же в школе организовался самодеятельный оркестр, Пирхонен вместе со школьниками учился играть на трубе. В драматическом кружке тоже не обходились без его помощи. Хороший стилист, он щедро помогал своими советами редакции районной газеты и литературным кружкам. Народный театр района тоже многим обязан ему.

Богатый жизненный опыт заставил Матти Пирхонена взяться за перо и рассказать младшим поколениям о прожитом и увиденном. Из-под его пера вышло много рассказов и очерков.

В краю Калевалы наш старый учитель стал как бы живой энциклопедией местных традиций, хранителем и другом народной поэзии. С ним удивительно интересно беседовать о прошлом, настоящем и будущем.

Матти Пирхонен — это лишь один из тех, кем славится и на ком держится древний край Калевалы. Но здесь много и других замечательных грузеников: лесорубов, строителей, охотников, рыбаков, пахарей, доярок, оленеводов, учителей, врачей, агрономов. И каждому есть о чем рассказать.

У многих из нас, уже пожилых людей, позарастили тропы детства. Война не оставила от некоторых наших родных деревень камня на камне. Вместо этих деревень выстроены новые, чаще даже на других местах. Но тропинки детства не забыты.

И теперь, спустя десятилетия, мы сумели бы с закрытыми глазами пройти по тем местам, где бегали босиком от первых весенних дней до первых осенних снегов. Каждый из нас мечтает заново чатоптать эти тропинки, чтобы они снова стали твердыми и гладкими.

Новое поколение прокладывает свои тропы. Да будут эти тропы широкой дорогой в жизнь.

Живет песенный край Калевалы, хорошеет. И вечно влечет к себе своих сыновей — весной и летом, зимой и осенью.

Ухта

Ухта! Слово это вызывает в памяти старые руны «Калевалы», сосну Леннрота, картины Севера: в зимнюю пору опущенный ином лес, звон бубенцов и длинные олени обозы на извилистых лесных дорогах, в летнюю пору плеск весел и вереницы плотов.

Село стоит среди темных хвойных лесов Северной Карелии на берегу одного из трех сверкающих, сказочно красивых озер Куйтто.

Лет сорок назад отсюда, от малообжитых берегов, не было проезжих путей ни в какую сторону. Одни пешеходные тропы петляли по лесам от селения к селению. Очень редко можно было встретить на них путников. Летом только бурное порожистое русло Кеми предоставляло жителям округа путь сообщения с побережьем Белого моря.

Неудивительно, что влияние большого мира почти не ощущалось здесь и что руны «Калевалы» дольше, чем где-либо, сохранились в первозданном виде именно тут.

В глубокую древность уходят корни истории Ухты. Во времена разбойничьих шведских набегов село не раз начисто уничтожалось, однако народ всякий раз отстраивал его заново.

С давних пор Ухта являлась для всей округи естественным центром. Сюда со стороны Кеми санным путем или по реке подвозили большую долю товаров для всего края.

Время не раз меняло внешний вид села. На старой фотографии, которой лет семьдесят, мы видим унылый, пустынный берег Куйтто, над крутым берегом тянется серенький ряд изб. В устье реки Ухты горбится трехарочный бревенчатый мост, на правом берегу темнеет кладбищенский ельник. Среди низких избышек высится белая церковь с двумя куполами.

После Октябрьской революции жизнь и этого далекого края изменилась коренным образом. Уже в двадцатых годах в Ухте началось невиданное строительство. Построили электростанцию, школу, промкомбинат, педучилище. В Ухте работал большой Дом культуры, был свой театр, хороший оркестр. Телефон, радио и телеграф сократили большие расстояния.

Сказительницы

Мы сидели со сказительницами Татьяной Перттунен и Марией Михеевой во дворе Дома культуры под пересаженной сюда сосной Леннрота. Легкий южный ветерок с Куйтто поглаживал седые волосы старых сказительниц.

Я смотрел на них, на эту легендарную сосну, под которой Леннрот более ста лет назад слушал ухтинских рунопевцев.

Передо мной сидели, кто знает, быть может, последние патриархи «Калевалы», хранительницы старых песен и сказок, потомки знаменитых сказителей Архиппа Перттунена, его сына Мийхкали и других. Рунопевцы приходили и уходили. Случались войны, пожары, неурожай. Сменилась и власть... А песни Архиппа Перттунена все живут. Естественным продолжением их являются и тысячи строк книги «Песня о новом Сампо», на обложке которой стоят имена трех рунопевцев: Еуки Хямялайнен, Марии Михеевой и Татьяны Перттунен.

У авторов новых песен и жизнь новая, хотя начиналась она по-старому.

Татьяна Перттунен рассказывает:

— Я родилась в Латварви в конце прошлого века. Была у родителей шестая. В девять лет меня взяли с собой рыбачить. Сестра Насто тянула невод, я гребла. С тех самых лет пришлось самой кормиться.

Стихи я стала запоминать сызмальства. Детишками бегали мы к слепому Мийхкали Перттунену. В летнюю пору в избу под присмотр Мийхкали сносили детей из трех-четырех домов. Дверь подпирали снаружи, чтобы дети не убежали, поскольку Мийхкали был слепой. На своих некогда обмороженных руках он постоянно носил шерстяные перчатки. Мийхкали сидел на скамье и пел, раскачиваясь, словно гребец. Длинные были песни у него, но нам они казались такими красивыми, что мы всей стайкой слушали очень внимательно. Стихи легко запоминались.

Мне минуло семнадцать лет, когда умер дедушка Мийхкали.

Школ тогда не было, да и будь они, некогда было туда бегать. Зимними вечерами все больше ходила на посиделки, где пели девушки. И я тоже пела.

В двадцать шесть лет вышла замуж. Оба с мужем были бедняки. Два сапога — пара. Мой муж приходился внуком Архиппу Перттунену по прямой линии, а я правнучкой через деда своего, брата Архиппа. Так что разошедшиеся было ветки рода соединились вновь. Было у меня девять детей.

Мне шел уже шестидесятый год, когда я сама стала слагать стихи. Тогда и вспомнились мне песни, которые я слышала от дедушки Мийхкали.

Сказительница Мария Михеева моложе своей подруги на пять лет.

— Молодость моя была не из легких, да и не только у меня одной. Поля тогда обрабатывали еще деревянной мотыгой, сохой да бороной-суковаткой.

А жилье? Во времена моей юности многие жили в курных избах. Ламп никаких не было, да и спичками-то в карельской деревне мало пользовались. Освещали дом лучиной. Один человек почти постоянно должен был шепать ее. Сушили лучину на воронцах. С лучиной ходили в хлев и конюшню, молотили в ригах и мылись в бане. Но пожары случались редко: очень оберегались от огня.

Маленькое окошко в передней стене избы было разделено рамой на мелкие клетки. В них были вставлены стекла. Окошки других стенок закрывались доской-задвижкой. Кто хотел посмотреть на улицу, просто отодвигал доску в сторону. Время узнавали по солнышку да по звездам. В пасмурный день и не поймешь, то ли утро еще не прошло, то ли день уже наступил.

Моя мать умерла, когда мне еще не было тринадцати лет. Дети остались на попечении нашей бабушки. Она умела рассказывать сказки так, что зимние вечера казались нам из-за них праздником. Мой отец тоже знал много сказок.

Рано пришлось мне идти в люди, работать в зажиточных домах.

Теперь эти времена позади. Всю жизнь я рыбачила. Меня так и называют рыбацкой Михеевой. Не могу обойтись без рыбной ловли и сейчас. Трудно, правда, в мои-то годы, но пословица говорит: чему научишься в молодости, с тем справишься в старости.

И сама не знаю, сколько помню стихов. Уже десятки сказок записаны, книга издана. Что раз услышала, того уж я никогда не забуду. Да и сама сочиняю, благо язык еще шевелится.

Наследники «Калевалы»

Более ста лет прошло с того дня, как мир узнал «Калевалу». Традиции древних песнопевцев хранят не только сказители. Им следуют и писатели современной Карелии.

Когда Антти Тимонен, наш известный писатель, уроженец деревни Луусалми Калевальского района, демобилизовался после войны из армии, старушка мать спросила его:

— Сынок, что же ты теперь будешь делать?

— Я, муамо, надумал писать книгу.

Мать подумала и сказала:

— А не дешевле будет, сынок, купить книгу в лавке?

Что мог ответить сын на этот вопрос? Мать, не лишенная практической жилки, видно, всерьез считала, что сыну лучше бы заняться «настоящим делом». Надо сказать, что Антти начал печататься еще до войны, и хоть он отличался всегда сыновним послушанием, на этот раз Антти не послушался своей мамы. И может, непедagogично говорить так, но мы рады этому непослушанию. Сейчас на счету у Антти Тимонена с десяток произведений, из которых романы «От Карелии до Карпат», «Родными тропами», «Белокрылая птица» и «Здесь мой дом» являются наиболее значительными в карельской прозе.

Антти Тимонен не единственный из карельских писателей, кто родился в Калевальском районе.

Творческой зрелости в своем литературном труде достигли вместе с Антти Тимоненом Николай Яккола, автор замечательной тетралогии «Водораздел», Пекка Перту — автор многих рассказов, Ортьё Степанов, выпустивший три книги. Сочным народным языком написаны рассказы и мемуары ветерана педагога Матти Пирхонена, о котором я уже рассказывал. Микко Ремшу, тоже бывший учитель, написал у себя в Вокнаволоке много правдивых рассказов, очерков и стихотворений о своих земляках. Ухтинский радист Николай Попов пишет рассказы и басни на русском и финском языках.

Крепкие крылья у калевальцев!

Читатели республиканских газет и журнала «Пуналиппу» знают имя автора многих стихов, рассказов, очерков, фельетонов Микко Ремшу. Но мало кому из читателей известен жизненный путь этого скромного, уже пожилого сельского жителя.

С первых дней войны он защищал родину: воевал в составе того самого героического полка майора Валли, который стеной встал на пути врага. Микко был хорошим стрелком, смелым разведчиком. Но в октябре 1941 года осколки мины тяжело ранили его в голову. Кто другой на его месте, возможно, и пал бы духом. Но неугасавшая в Микко Ремшу жажда жизни победила. Долгие месяцы, проведенные в госпиталях, он учился музыке. От музыки легче становилось на душе, шире смотрелось на мир. Преодолев все невзгоды, Микко Ремшу в 1945 году вернулся домой. Сейчас он член культурной комиссии сельсовета, контролирует работу больницы, детского сада и школы, участвует в клубной работе как аккомпаниатор созданного им хора и как руководитель драмкружка.

Жизнерадостный, приветливый, в выцветшей фетровой шляпе и в темных, столь необычных для села очках, Микко Ремшу всегда готов прийти на помощь всем, кто в нем нуждается.

Хорошо калевальской земле от этого человека.

До свидания, Калевала!

Здороваясь со знакомыми, я не спеша иду на мыс Леннрота. Там расположены склады и порт леспромпхоза. У пристани стоит целая флотилия моторных судов, знакомо звучат их названия: «Ухта», «Ужма», «Авнепорог», «Юшкозеро», «Калевала»...

С мыса открывается вид чуть ли не на всю Калевалу. Село разрослось, много новых домов.

Налево, в сторону Кеми, весь берег занят штабелями леса. Оттуда непрерывно доносится гул МАЗов, которому вторят бензопилы. И буксир пришел за новым плотом. А там среди зеленых угодий красуются строения совхоза.

Своей зеленью ласкает глаз поле стадиона. Немного поодаль в спокойной воде Ухты отражаются высокие ели сада отдыха, темную зелень которых оживляют светлые линии березовых стволов.

За маленьким мостиком по обеим сторонам шоссе зеленеют хорошо прижившиеся березы и тополя. Во дворе Дома культуры стоит сосна Леннрота.

На берегу покоятся два вездехода, принадлежащие, вероятно, какой-нибудь экспедиции. И тут же рядом напротив Дома культуры протянуты длинные вешала для невода. В зеркале воды и новое, и старое отражается гармонично. В субботний вечер народу на улице немного. Возможно, люди еще на покосах или в бане.

То здесь, то там от причалов отходят в озеро моторные лодки рыбаков.

Нынешняя Калевала представляет собой нечто среднее между маленьким городом и большим селом. Она настолько широко раскинулась, что обозреть полностью ее можно только с самолета. Жителей в ней без малого пять тысяч.

Улица Ленина, Школьная, Северная, улица Вяйнямейнена, Карельская улица,

улица Калевалы, Лесная улица и... Заводская! В Калевале год от году все больше людей занято в промышленности: на промкомбинате, электростанции, в химлесхозе, леспромхозе, автопарке, на дорожном участке, и надо думать, что Заводская улица скоро оправдает свое обязывающее название. Здесь новые аккуратные дома все больше вытесняют старые избы. В пейзаж вписываются уже первые многоэтажные каменные здания.

Кума

Северные районы Карелии наиболее обширные. Самый северный — Лоухский район — простирается от западной до восточной границы республики, а его северная сторона образована границей с Мурманской областью. Это уже за Полярным Кругом. И вот здесь-то находится Кума.

Что это такое? Совсем недавно это был один из самых больших и мощных порогов Карелии.

Топозеро и Пяозеро — крупнейшие озера Северной Карелии. Путь к Белому морю воды этих озер пробили у подножья горы Куматунтури. Со страшной силой низвергались они в каменную пасть водопада, потрясая гулом окрестности. Отсюда и пошло название порога Кума, что в переводе означает «гул», «гром».

У порога имелось несколько водопадов — падунов. Падая с высокого каменного уступа, вода дробилась на миллиарды капелек, которые густым облаком тумана поднимались в воздух.

Длинный порог образовал много красивых излучин.

И вот этот порог решили обуздать. Кума стала третьей электростанцией на здешних водах. ГЭС дает ток, а гул водопада затих навсегда. Укрошенная вода плещется у плотины. Горы глядятся в зеркальную гладь Пяозера.

Восходит солнце. Чем выше посылает оно свои лучи, тем многоцветнее переливаются они в сиянии горных вершин. Синий, фиолетовый, зеленый, оранжевый...

День пробуждается.

Двигатель нашего катера без усталы вращает винт. В его шуме слышится гул новой Кумы, ярый и неустанный. След, оставляемый судном, ровно расходится по сторонам. Волны Пяозера накатываются на новые берега и поселки, в которых энергия Кумской ГЭС зажгла огни новой жизни.

